

1-я глава

Расцветает благость Лумбини² и цветов аромат струится.
Наш поэт повстречал впервые в этом месте весну-царицу.

Этот сад расположен между Девадахой³ и Капилвасту⁴.
Здесь рожден Сугата-спаситель, это место любому свято.

Наверху небосвод сияет — бесконечности нет преграды,
А внизу заметна улыбка на лице прекрасного сада.

Как волос шелковистых пряди, расцвели цветы на лианах
И нежны, как дева с глазами, словно лотос, и тонким станом.

---

¹ **Сугата** — Благосущий (один из эпитетов Будды Просветленного), **Саурабха** — благоухание, аромат.

² **Лумбини** — лесопарк, где Сиддхартха Гаутам, ставший Просветленным Буддой, родился в 623 г. до н.э. от царицы Капилавасту Майядеви. Здесь был найден в 1977 году знаменитый столб, установленный царём Индии Ашокой в 249 г. до н.э., указывая точное место рождения Будды.

³ **Девадаха** — местность, расположенная у реки Рохини в дистрикте Рупандехи (Непал) к востоку от Лумбини на расстоянии 45 км, где находился родительский дом царицы Майядеви, куда она отправилась, чтобы родить первенца.

⁴ **Капилвасту** — древний город, столица рода шакьев во главе с царём Суддходана, где будущий Шакьямуни (Будда) проводил свою молодость во дворце своего отца. При раскопках были найдены руины древнего дворца и другие реликвии, свидетельствующие о том, что именно здесь, в Тилауракате, на восточном берегу реки Ванаганги, текущей по территории Непала, находилась столица царя Суддходана.

Словно девушка брачной ночью вся трепещет от ласк супруга —
Так колышутся нежно листья при порывах ветра упругих.

Как влюбленная в юность дева от ее сладкой ноши стонет,
Так от сладких плодов дерева свои ветки все ниже клонят.

Вдалеке кукует кукушка, птицы трели выводят рядом,
Виден бабочек пестрых танец на цветах разноцветных сада.

У кустарника калки-свана⁵ грациозно пляшут павлины,
Оленята, глаза тараша, выбегают на луговины.

Попугай кричит «пиу-пиу», средь ветвей приютятся высоких,
Словно листья шуршат ритмично в благозвучных
песенных строках.

Как приятно шмелей жужжанье, что разносится по округе!
И сжимается сердце, слыша всюду пчел медоносных звуки.

Ароматом наполнен воздух — аджу-сван⁶ расцветает где-то.
Будь иначе, скажут: «Всего лишь золотые сережки это».

Аромат плодовых деревьев по-над зарослями струится.
Созерцаем цветы на ветках, и сияют радостно лица.

Расцвели на кустарнике джухи⁷, как ряды зубов белоснежных,
Дышит лотос, благоухая в дуновениях ветра нежных.

Словно дочери, выйдя замуж, в отчий дом вернуться сумели, —
Снова ласточки прилетают, что по осени улетели.

Озорно резвятся зайчата в белых шубках без передышки,
Словно это луны осколки по земле несутся вприпрыжку.

Обезьяны, собравшись вместе, по деревьям скачут, играя.
Или это сама подвижность воплотилась в их резвой стае?

---

⁵ **Калки-сван** — цветок, напоминающий своей формой султан на шляпе (cocks-combs).

⁶ **Аджу-сван** — жасмин с жёлтыми лепестками (jasminum grandiflorum).

⁷ **Джухи** — жасмин.

Там, обняв своих деток нежно, обезьян собралась орава,
А другим на качелях веток забавляться всю по нраву.

Ствол бамбука — в побегах новых, их колышет гудящий ветер,
И качается бор сосновый, словно машет чамара-веер⁸.

А внизу река-королева протекает — прозрачны струи
и журчат мотивом кал-кала⁹, словно нимфы поют, чаруя.

У реки малютки-деревья целовать друг друга стремятся,
Только прочь при порывах ветра отклоняются — так стыдятся.

А у кромки воды кустарник и тростник, словно волны, ходят,
От дыханья знойного ветра на течение реки походят.

И по листьям пипала¹⁰ виден ветра темп —
неспешный, ритмичный,
Так качаются в такт походке украшенья в ушах девичьих.

В стороне, воздевая руки, ствол банана недвижим, словно
Он с восторгом общенью с Богом предается, молясь безмолвно.

Золотая пыльца роится над цветами, полными счастья,
Словно, важно воссев на троне, получили тилак¹¹ — знак власти.

И с ветвями рогов олени скачут радостно, гордо, вольно,
В их глазах сияет блаженство — всем на свете они довольны.

Водоемы полны прохладной и прозрачной водою свежей,
Как весна, приходящая к людям, — синевую небес безбрежной.

Со слонихой в пруду играет юный слон, обливаясь тиной,
Хоть жужжит над ним, не смолкая,
растревоженный рой шмелиный.

Пары уток лотоса стебель друг у друга тянут игриво.
Ожидают аисты рыбок, над водой застыв терпеливо.

⁸ **Чамара, чамар** — веер из хвоста яка, считается одним из восьми символов благодати. Необходимый атрибут во время религиозного обряда.

⁹ **Кал-кала** — звук горной речушки, текущей вниз по склону.

¹⁰ **Пипал** — фикус священный (*figus religiosa*).

¹¹ **Тилак** — знак, наносимый краской на лбу в виде латинской буквы «U». (Обычно представители общины вишнуитов носят такой знак).

Там и тут мельтешат рыбешки, на опасности невзирая.
Раки ползают и лягушки скачут, в игры свои играя.

Лепестки белоснежных лилий солнце красит, как алой кровью,
И краснеет стыдливо лотос, наблюдая за их любовью.

На поверхность озера пала тень от стаи пернатых в небе,
Вдруг по озеру волны кругами заходили — их поднял лебедь.

И едва лишь на водной глади отражались лучи рассвета,
Как туда устремлялись звери — насладиться картиной этой.

Люди тоже туда стремятся — посмотреть на красоты эти,
И пыльцу ароматных лилий, как рекламу, разносит ветер.

Прожужжав свою песню в небе, у воды, на зеленом склоне,
Примостился с пчелою рядом шмель на лотоса гибком троне.

Под густыми ветвями прячась, уподобясь зрелому плоду,
Голубь звук издает «гуль-гули», веселя людей и природу.

Там — чирикают в поле птицы и клюют у колосьев зерна,
Те — стремглав пролетают мимо, «пиу-пиу» твердя упорно.

Нет сандаловых здесь деревьев, не найти и туи нимало,
Но вокруг аромат струится, словно вырос тут лес сандала.

Как девицы, своих любимых ожидая, безмолвны пальмы.
Вздохи сердца в груди высокой затаили они, печальны.

Львиный рев здесь подобен грому (не бывает страшнее звука)
Или грохоту стрел, что смелый воин-кшатрий пустил из лука.

Когда бьются олени так, что пламя бьет из рогов, и тучи
Застылают всё, и в медведя превращается лес дремучий,

И когда молоко, как ливень, источает вымя коровы, —
Тогда солнечный луч, меняясь, облик вдруг принимает новый.

И, отбросив шипы, побеги молодые тут свету рады,
Где Весна-королева правит, устранив вокруг преграды.

Персик весь в молодых побегах, словно в шелк его нарядили,
А цветы на дереве манго шалью бархатной ветки скрыли.

Направляясь на север, клином журавли пролетают мимо,
И чатаки¹² взлетают к тучам, вечной жаждой своей томимы.

Не найти здесь, как ни старайся, говорящего попугая.
Видно, в клетках сидят такие, человечьи слова слагая.

Пары муний¹³ сидят на ветках в разноцветных своих нарядах,
На двойные цветы похожи на деревьях райского сада.

Посмотрев на султан джурели¹⁴, что ему украшением служит,
Распустила свой хвост дхобини¹⁵ — он нисколько его не хуже.

Бел¹⁶ покрылся цветами пышно, золотые плоды скрывая.
А ворона каркает с ветки: «Ну, а мне-то печаль какая?»

С желтых сочных папайя, гляньте, все окрестности
глаз не сводят.

И Весна подумала: «Если б не листва — на манго походят».

Задирая головы, пальмы смотрят с радостью неустанной,
Не стыдясь ничуть, выставляют напоказ объяття с лианой.

Солнце с яркой листвой деревьев упоенно играет в прятки
И чарующие картины оставляет в лесу украдкой.

На зеленой лужайке, видно, хорошо, как на мягком ложе.
Дикий голубь зовет: «Гуль-гули, отдохните на ней немножко».

---

¹² **Чатака** (*cuculus melanoleucus*) — птица, которая, по поверью непальцев, вечно испытывает неутолимую жажду и поэтому ожидает дождя, чтобы утолить её, но в каплях дождя она видит лишь кровь и не может ее пить, чтобы утолить свою жажду.

¹³ **Муния** — птица семейства вьюрковых ткачиков отряда воробьинообразных.

¹⁴ **Джурели** — род соловья.

¹⁵ **Дхобини** — сорока робин.

¹⁶ **Бел** — священное дерево в индуизме, символизирует бога Нараяну — одного из воплощений Вишну. Его листья преподносят в жертву Шиве. Невары устраивают символическую свадьбу своих малолетних девочек, выдавая замуж за плод этого дерева, символизирующего бога Вишну. Таким образом, неварки теоретически не становятся вдовой после кончины земного мужа и имеют право вторично выйти замуж.

А прекрасный наземный лотос — словно зонтик Весны-царицы:
Как предвестник ее прихода, аромат его ввысь стремится.

И на нежных кустах жасмина распустились цветы приветно,
Белизной, желтизной своею обнимая лучи рассвета.

Созревают плоды на ветках, трав цветущих везде волненье.
Сколько их! Наблюдая это, ощущаешь головокруженье.

Там лесного зверья немало бродит в зарослях, на опушках,
В небе птицы выводят трели, но я слышу лишь песнь кукушки.

Солнца луч, украсив Природу, над лесными кустами кружит.
Ей цветы — украшеньем, листья — живописным нарядом служат.

И кокетка Природа смотрит разнаряженной и веселой,
И к ее украшениям ярким мотыльки слетелись и пчелы.

Протекает река с журчащей и прохладной водою чистой —
У Природы-танцовщицы словно мелодично звенят мониста.

Как гордится она, ликует от любви и от ласки солнца,
Словно девушка с милым в лодке по любовной реке несется.

Красотой Природа торгует, как богатый купец завзятый,
Покупатели — птицы и пчелы, а их нежное пение — плата.

Завтра — только кредит, сегодня можно звонкой платить монетой.
От рекламы такой кукушка вопрошает: «Ку-ку, кто это?»

Для Природы-танцовщицы стали сценой эти лесные чащи.
Но не вся красота натуральна, есть тут много ненастоящей.

Вот в лесу — шести из бамбука, на которых флажки пестреют,
В основном голубым и красным на ветру, словно пламя, реют.

Много разных цветов бумажных в деревянных маячат ложах —
Изготовлены так искусно, что на подлинные похожи.

Даже пчелы на них садятся, добывая нектар неуклонно,
Но взлетают в недоуменье, вновь и вновь жужжа удивленно.

Изготовленные из воска, на живые цветы похожи.
К ним одна пчела подлетела, но она обманулась тоже.

Ветер, это увидев, громко хохотал над ее ошибкой,
И пчела, стыдясь, улетела, растворившись в тумане зыбком.

Над цветами бумажными птицы рукотворными крыльями машут.
Воробей на дереве рядом с ними танец любовный пляшет.

На воротах праздничных пестро вьются хлопковые гирлянды —
Так лианы цветут, усладу источая, как бриллианты.

И чисты — ни камней, ни веток — все дороги тут и тропинки.
Всё водою опрыскано, чтобы не летало тут ни пылинки.

Вдоль дороги стоят кувшины золотые с водой прохладной.
Веер ветра вокруг разносит запах свежий и ароматный.

Низвергаются водопады там в озера, где изобилье
Алых лотосов и бутонов белоснежных прекрасных лилий.

С лебедями играют стайки разноцветной рыбешки мелкой,
И от синих цветущих лилий это кажется все подделкой.

Группка девушек юных, вижу, направляется не туда ли?
От внезапных порывов ветра, словно крыльями, машут шали.

Да, действительно, долетают голосов их приятных звуки,
Мягкий звон золотых браслетов, обвивающих нежно руки.

Возле них с оружием грозным неусыпная бдит охрана.
Но зачем же все эти люди туда движутся неустанно?

Ведь у девушек есть оружие: брови-луки и взоры-стрелы.
С ним они одолеть способны всех юнцов легко и умело.

Вот цветок банановой пальмы — я его обнимаю взором,
На побегах — белые бусы из обжаренных рисовых зерен!

Много женщин идет нарядных, голоса их полны веселья.
В такт шагам колышутся груди, как жемчужные ожерелья.

И влюбленный чакор¹⁷, увидев лица этих девиц пригожих,
Удивился: «В сравненье с ними белый день стал на ночь похожим».

Посмотрите сюда: гирлянда из цветочных бутонов вьется,
Там — края колышутся шали, только «шур-шур-шур» раздается.

Лепестки слюды на тропинке так сверкают — не бросишь взгляда.
И блестит разноцветный бисер на узорных женских нарядах.

На губах цветов медоносных аромат почувствовав сладкий,
Прилетели шмели-сластены, чтобы мед вкушать без оглядки.

Но увидев их блеск под ветром среди лиан трепещущих, разом
Прочь умчались: им показалось — то змея с лучистым алмазом.

Эти девушки... их улыбки с лепестками лотоса сходны,
Настоящая драгоценность красоты земли бесподобной.

Стан у них — как у львицы, походка на движения лани похожа,
Как у серны — глаза, как у зайца шерсть с подшерстком —
нежна их кожа.

Посмотрите, их руки белы, словно бивни слона, а губы,
Как кораллы, красны; как жемчуг, за губами сверкают зубы.

Укрывают от жара солнца их зонты с каймой кружевной,
Ветер ленточки их колышет, но спасения нет от зноя.

Капли пота на лбу сверкают, как роса на лотосе красном,
Что под юным радостным солнцем распускается утром ясным.

Золотые кольца на пальцах режут очи слепящим светом,
Золотые канчи¹⁸ на стане, на лодыжках — чанпа-браслеты¹⁹.

На запястьях — тоже браслеты в драгоценных камнях по канту,
А в ушах качаются серьги — в них сияет по бриллианту.

---

¹⁷ **Чакор** — краснолапая куропатка.

¹⁸ **Канчи** — пояс, украшенный драгоценными камнями.

¹⁹ **Чанпа** (*michelia champasa*) — дерево чампака с жёлтоватыми ароматными цветами, из которых делают браслеты.

Вееров золотые ручки бриллиантами сплошь покрыты,
Они движутся вместе с ветром в такт походке, в сердечном ритме.

Кое-кто под левой подмышкой золотые несет сосуды,
Чуть склоняя голову, словно красота тяжелей посуды.

У других — украшенья: веер из прекрасных перьев павлина,
А на правой руке — с плодами золотая висит корзина.

На изящных и нежных пальцах замечая цветов гирлянды,
Даже боги полны восторга, люди ж видят в них бриллианты.

От любви обезумев, ветер разошелся, как в ритуале.
Эй, они ведь не куртизанки, чтобы ты задирали их шали!

Юность — озеро, расцветают эти лотосы в нем с улыбкой,
Щеки их — лепестки, где красный цвет пылью
расплескался зыбкой.

В небесах их сердец звучало чувство песней шмеля из рая.
Ведь не зря смотрел я с любовью на лицо твое, не мигая.

Словно это цветок прекрасный вырос вдруг на вершине силы.
И, подобно плодам созревшим, грудь прелестная взор пленила.

В этом райском саду сердечном слышу сладкий напев кукушки:
«Эй, сезон сладостей²⁰, возвращайся! Уходи, не рисуй веснушки!»

Но давайте, друзья, поближе подойдем, поглядим отсюда.
И молчаньем зашейте губы, не спугните такое чудо!

Снисходительны будем, чтобы мысли были у нас пристойны.
Дарят женщины нам отраду, уваженья они достойны.

Золотой паланкин проносят, драгоценностями покрытый,
По краям гирляндой жемчужной, чуть качающейся, увитый.

На шестах серебряных сбоку — львов могучих изображенья.
Лес наполнен благоуханьем красоты и благоговенья.

²⁰ Сезон сладостей (сладостей), т.е. весна (непальск. «мадхуриту»).

Все носильщики смотрят в землю и старательно ставят ноги,
Поднимать свои взоры выше им указ запрещает строгий.

В дорогих атласных одеждах, шелк тюрбанов лучами мечен,
А в ушах — золотые серьги, груз шестов им давит на плечи.

А вокруг паланкина — слуги, и служанок рой суетится,
И легко догадаться можно, что внутри возлежит царица.

Но не будем гадать, а лучше мы усталости сбросим бремя,
Мы весь день ничего не ели, подкрепиться настало время.

До главы доберемся новой, на вопросы найдём ответы,
Обязательно надо вызнать, кто такая царица эта.

А потом перед ней склонимся, эту истину познавая,
Дело начатое закончить — долг чувствительного Хридая.

Стихотворный перевод *Игоря Елисеева*
Подстрочник подготовил *Кришна Пракаш Шрестха*